

СВЕТЛАНА ШЕМЕНА

Сборник рассказов

ПРОРОК

ПОШЕЛ

ЗА КОФЕ

12+

Светлана Шемена
Пророк пошёл за кофе

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шемена С. С.

Пророк пошёл за кофе / С. С. Шемена — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-05661-9

Сборник рассказов «Пророк пошел за кофе» похож на дружеский разговор по душам. Эти истории могли произойти со всеми и ни с кем. С реальностью невозмутимо соседствует магия, а ирония переходит в серьезность. Здесь чудеса – неотъемлемая часть жизни, это мир, в котором нет невозможного. Книга бескомпромиссно поднимает важные вопросы про детство и старость, дружбу и вражду, веру и отчаяние. Рассказы самостоятельны и в то же время переплетены, как ветви дерева. Где грань между разумом и безумием? Правда ли можно разговаривать с ангелами? А старик, которого все зовут Пророком, откуда же он взялся?

ISBN 978-5-532-05661-9

© Шемена С. С., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Дверной колокольчик	6
Свидание	9
Бутылка	12
Убить Амброзию Роджерс	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Посвящается маме, которая тоже видела ангелов

Дверной колокольчик

Звякнул дверной колокольчик.

В кафе зашла пожилая пара, а прямо за ними невысокая женщина средних лет. Сорок? Пятьдесят? Кто знает, он никогда не умел определять возраст.

– Нам два куска черничного пирога и кофе! – с улыбкой произнес мужчина с белоснежными усами. На стойку легла потерянная клетчатая кепка. Он пригладил взъерошенные волосы, а затем помог своей спутнице снять длинное розовое пальто.

– У нас сегодня юбилей! Угадай-ка, сынок, сколько? – Старушка в нетерпении клацала ногтями по отполированной деревянной поверхности.

Он не умел определять возраст.

– Хм, может, тридцать?

В простые белые чашки полился горячий черный кофе. Старички причмокнули от удовольствия.

– Ты нам льстишь, – белые усы ухмыльнулись, – бери больше.

Плоские тарелки с пирогом проскользили и встали рядом с чашками.

– Семьдесят! – выкрикнул дедушка и торжественно поднял вилку в воздух. – Мы познакомились, когда нам было по тринадцать. А в восемнадцать поженились. С тех пор не разлей вода! – Он ласково приобнял супругу, и они оба принялись за пирог.

Восемьдесят восемь лет. С ума можно сойти! Это ведь почти девяносто, а внешне и не скажешь. С другой стороны, он никогда не умел определять возраст на глаз, да и девяностолетних до сего дня ни разу не видел, может, они все так выглядят. Мэт лишь пожал плечами, улыбнулся в ответ и положил рядом с морщинистыми руками глянцевого листок меню – вдруг надумают взять что-то еще, хорошие чаевые сегодня бы тоже не помешали.

Дверной колокольчик снова звякнул. Людей становилось больше и больше. Обеденный перерыв все-таки. К ним в кафе заходили работяги с соседней лесопилки, водители фур, шахтеры, путешественники, уставшие в дороге и решившие подкрепиться, местные учителя и студенты, в общем-то – все. Городок-то совсем крошечный.

За стойку на высокие красные стулья присело еще шестеро. Сегодня утром Мэт забыл дома свой именной значок, поэтому все обращались к нему просто «сынок». Почему бы и нет? Хотя многих он знал лично и за пределами забегаловки.

Задняя дверь хлопнула.

– Ты опоздал, – Мэт произнес это, наливая очередную порцию кофе, даже не оборачиваясь, – снова.

Его напарник часто опаздывал.

– Я исправлюсь, – подмигнул он, на ходу завязывая фартук и цепляя к нему золотистую табличку с надписью: «Мэт». Они были тезками и часто шутили, что однажды откроют собственный ресторанчик «У Мэтов», «Два Мэта» или «ММ». У них была еще уйма времени поработать над названием, сперва ведь нужно было окончить школу, так что два года в запасе точно имелось.

– Иди обслужи зал, а я тут побуду, а то там одна женщина уже минут двадцать ждет.

Мэт вложил деньги в кассу, передал еще пару меню и поставил на плиту второй кофейник. Многозадачная работа получалась у него на удивление хорошо. Руки будто жили своей жизнью – взять, подать, протереть, а голова пока могла думать о своем. Например, о том, что скоро танцы, и хорошо бы купить новые кроссовки. От постоянной ходьбы у старых уже почти протерлись подошвы. А для покупки надо было еще больше ходить и работать.

«Вот те на», – подумал Мэт. Вот тебе и замкнутый круг.

Он краем глаза глянул на ту женщину в зале. Она будто бы сильно нервничала, потому что постоянно тербила носовой платок.

– А мы путешествуем! – Дед с гордостью похлопал по часам на цепочке. – Едем на свадьбу к праправнукам.

– Здорово! – Мэт живо откликнулся, потому что с первого дня усвоил золотое правило: чем больше ты понравился клиенту, тем больше чаевых тебе оставят. – Удачной вам поездки.

Путешествуют? Это в девяносто лет? Бывает же. Он проводил старичков взглядом до выхода. Его напарник о чем-то оживленно беседовал с женщиной, тербившей носовой платок.

Старики оставили хорошую сумму. Это в кассу, а это в карман.

Голос женщины стал громче и даже пробился через хор сидевших рядом дальнобойщиков. Теперь она показывала Мэту-напарнику фотографии из крошечного альбома с мятыми страницами.

– Слышь, сынок, заправка на двадцать девятой развязке работает еще? Сто лет в ваших краях не был.

– Уже пять лет как закрылась, – Мэт подошел поближе к огромному рыжебородому мужчине и стал оттирать засохшее пятно соуса рядом с сахарницей, – вы лучше сверните на ближайшем перекрестке налево и заправьтесь там, потом развернуться придется, но все лучше, чем застрять посреди леса с пустым баком.

– Буду знать, – пробасил бородач, вытер губы рукавом и бросил на пустую тарелку пару купюр.

Другие посетители в зале уже начинали нервничать, прошло минут десять, а Мэт-напарник все еще стоял у той странной женщины с платком и альбомом. Только теперь она уже почему-то плакала, заламывала себе руки и пыталась ухватить Мэта-напарника за край передника.

– Вы ее знаете? Местная сумасшедшая? – поинтересовалась дама в темных очках, тоже явно неместная.

– Первый раз вижу, наверное, проездом, как и большинство здесь.

Часовая стрелка перевалила за два. А его рабочий день заканчивался в четыре тридцать. А это означало, что впереди его ждало еще два с половиной часа кофеварок, черничных пирогов (сегодня это был пирог дня), овощных супов и бутербродов с индейкой.

В зале что-то со звоном упало. Это стеклянный кофейник выпал из рук Мэта-напарника, когда женщина резко вскочила и попыталась его обнять. Но, кажется, никто не пострадал.

– Вы ненормальная! Я сейчас в полицию буду звонить! – Мэт-напарник с трудом вырвался из объятий и прошмыгнул в подсобку.

Женщина постояла еще пару секунд с застывшими в воздухе руками, растолкала свои вещи по карманам и выбежала за дверь.

Мелкое стекло собирать было хуже всего. Оно легко впивалось в кожу прозрачными занозами и доставалось оттуда с большим трудом. Но в этот раз вроде бы обошлось. Никто не поранился. Воду в ведре пришлось менять несколько раз, но пол теперь сиял.

– Поставь табличку, что скользко, чтобы не упал никто. – Мэт разогнул спину и вытер пот со лба. – Что она хотела вообще от тебя?

– Да тронутая какая-то, – Мэт-напарник водрузил на влажный участок желтый пластиковый знак, – давай рассказывать про свою молодость, что она родила в пятнадцать лет, не могла растить ребенка и отдала его на усыновление. И что, мол, я и есть тот самый ее сын! Фотографиями какими-то мне тыкала. Смотри, говорит, ты и темноволосый, и голубоглазый, и лет тебе столько же, и звать тебя Мэт. Все, говорит, совпадает. Соцработник ей бывший сказал, что ее сын где-то по трассе в кафе работает... Сумасшедшая, как пить дать!

Посетители быстро успокоились и позабыли о только что случившемся, воздух снова стал густым от смеха и разговоров. А Мэт-напарник еще повозмушался, что спишут с него денег за кофейник, да и принялся опять принимать заказы и убирать посуду.

* * *

Может, догнать ее? – проскочила шальная мысль. Может, остановить ее на парковке, пока она еще не села в обшарпанный красный автомобиль? Может, сказать, что, скорее всего, тот «темноволосый мальчик Мэт», усыновленный пятнадцать лет назад у девочки-подростка парой из маленького западного городишки, – это и есть на самом деле он?

Но на сковороде зашипело масло.

– Забирай! – крикнул повар.

– Можно еще кофе? – спросил посетитель.

Звякнул дверной колокольчик.

– Сейчас все будет! – прокричал Мэт в ответ. И вернулся к по-настоящему важным повседневным делам.

Свидание

Грег Петерсон! Не было в школе другого имени, которое бы вызывало столько смеха и толков. Знаменитый Грег Петерсон. Мальчишки регулярно подсовывали ему в раздевалке жуков, камни и ручки с потекшими чернилами. Никто не хотел видеть его в своей футбольной команде и уж тем более на вечеринке. Девчонки хихикали над ним, а если ссорились, то всеми фибрами души желали обидчице пойти с ним на свидание.

Ни одна живая душа уже не могла припомнить, откуда пошло такое положение вещей. Может, с младших классов, а может, со среднего звена, а может, вообще с детского сада. Никто никогда не ломал себе голову, чтобы добраться до истока травли. Она просто существовала так же непоколебимо, как то, что Солнце светит, а Земля вращается вокруг своей оси.

Честно говоря, сам Грег тоже успел привыкнуть к отношению сверстников. Для него оно вплелось в рутину каждого нового дня. Порой он мечтал, чтобы к нему относились всерьез, мечтал, как дети мечтают полететь в космос или спуститься на дно Марианской впадины. Позднее он и сам не мог объяснить, почему все сложилось именно так...

* * *

Полин дрожала от злости. Она сжала кулаки до белых костяшек и вложила во взгляд всю ярость, на которую только была способна. Но он исчез в толпе так же неожиданно, как и появился, среди долговязых баскетболистов было уже невозможно разглядеть его сутулую фигуру. Грег Петерсон только что позвал ее на свидание! Ее, старосту класса и действующую Мисс школа. Нет, он не просто позвал ее на свидание, а напрочь опозорил перед подругами, ведь даже шепелявой и прыщавой Лу никто никогда не делал таких отвратительных предложений.

– Ну и ну, – лишь смогла выдохнуть Сара и немедленно словила все презрение и злость, полагавшиеся Грегу Петерсону, нарушителю спокойствия.

Других комментариев не последовало. Остаток дня девочки молча следовали за Полин по пятам, сжавшись и напоминая стайку промокших воробушков. Полин не могла успокоиться и всю дорогу до дома, а приехав, заперлась у себя в комнате и включила музыку на полную катушку. Она распустила волосы и встала перед зеркалом. По обратную сторону стекла крутилась туда-сюда миловидная пятнадцатилетняя девушка: большие голубые глаза, четко очерченные черты, ослепительная улыбка – все идеально, было идеально до последнего обеденного перерыва. Полин всхлипнула и присела на кровать, представляя, как уже завтра ее жизнь будет кончена, сплетни убьют популярность, заработанную красотой и упорным трудом.

– Привет! – Он подошел, как ни в чем не бывало, словно бы они были старыми, закадычными друзьями. – Пойдешь со мной на свидание?

От подобной невиданной дерзости у Полин пропал дар речи, а Грег Петерсон пожал плечами и просто добавил: «Дай знать, как надумаешь».

Зазвонил мобильник. А потом еще раз и еще раз. Подруги, не заставшие пресловутый диалог лично, жаждали в мельчайших подробностях разузнать о произошедшем. Голос Полин напоминал измученный тон пленников концлагерей или неизлечимо больных. Девочка причитала, охала и как могла жаловалась на ужасно наглое предложение.

Свидание с Грегом Петерсоном, нет, только вообразить себе такое!

Шли дни. Незаметно пролетела неделя, другая, все уже стали забывать разговор местного изгоя и королевы красоты, да и сама Полин заняла себя кое-чем более интересным: подготовкой к вечеринке и выбором ослепительного платья.

На вечеринки она ходила как на работу, чтобы поддерживать имидж и собирать восхищенные взгляды кавалеров. И эта не оказалась исключением. Музыка гремела, руки и ноги двигались в незамысловатом ритме, гремели стаканы и шуршали упаковки из-под чипсов. Полин прохаживалась из угла в угол, скрывая жуткую скуку за широкой улыбкой. Вдруг колонки резко замолкли, в центр вышел худой темнокожий парень, хозяин дома.

– Внимание! – прокричал он, сложив ладони рупором. – На правах хозяина дома предлагаю всем сыграть в одну игру. Мы просто обожали ее в моей прошлой школе. Отказов не принимаю.

В замешательстве люди начали переглядываться между собой, но потом интрига одержала верх.

Правила были просты и даже звучали немного по-детски: каждый должен был написать на листочке одну фразу, а затем вытягивать их по кругу и исполнять написанное. Вроде бы, безобидно.

Давно они так не смеялись! Атмосфера разрядилась, а напряжение как рукой сняло. Выпить залпом литр газировки, попрыгать на одной ножке, десять раз отжаться от пола, прокукарекать как петух... Полин и оглянуться не успела, как шляпа с последним белым листочком легла к ней на колени. Щеки налились румянцем, она в предвкушении потянулась за своим заданием и...

– Да вы, должно быть, шутите!

Румянец вмиг сменился мертвецкой бледностью, а радостные искорки в глазах – настоящими сверкающими молниями.

– Что там?

– Мы все выполняли, никто не отказывался!

У Полин задрожали руки, на пол упала короткая фраза: «Пойти на свидание с Грегом Петерсоном».

Шах и мат. На нее смотрели десятки пар глаз, загоняя в ловушку. Отступать некуда.

* * *

Полин сообщила Грегу о своем решении так быстро, как выпивают очень горькую микстуру, залпом и поморщившись. Но он, казалось, никак на это не отреагировал, а только произнес: «В пять часов у торгового центра».

Полин не пришла в пять часов. Не пришла она и в половине шестого. Каблучки красных лакированных туфель застучали по мостовой только в семь, и Полин ворвалась в беседку, словно напудренный и напомаженный ураган.

– Грег Петерсон! Ты опозорил меня перед всей школой! Как в твою глупую голову вообще такое пришло – пригласить меня на свидание?

Руки в карманах, голова слегка опущена, Грег встал со скамейки и сделал несколько неуверенных шагов.

– Добрый вечер, Полин. Ты все-таки пришла!

Он расплылся в улыбке и стал казаться будто бы выше.

– Я пришла только потому, что поспорил! В уговоре было только «прийти», а гулять я с тобой не обязана. А сейчас я уйду, и ты больше не посмеешь ко мне подходить!

– То есть на свидание ты со мной не пойдешь?

– Да только если ты будешь последним человеком на земле!

Каблучки снова заклацали по мостовой, щелчки становились все тише и тише, пока из виду совсем не пропали золотистые локоны и белое платье.

Грег еще немного постоял в ажурной тени ограды, глубоко вздохнул и покачал головой. Руки в карманы, голова опущена, он медленно, останавливаясь через три шага, побрел по тропинке мимо тикающих часов.

* * *

Утро началось как обычно: со звона будильника, мягкого желтого света солнечных лучей через легкие шторы и с пения птиц на широких ветках дерева за окном. Открылись ясные голубые глазки, длинные пальчики откинули покрывало, а ножки ступили в пушистые домашние тапочки. Включить прохладную воду, нагреть щипцы для завивки, снять с вешалки кашемировый свитер и плиссированную юбку, брызнуть сладкими цветочными духами на шею, заплести волосы и скорее сбежать вниз по лестнице для завтрака.

– Мам!

На кухне было пусто. Не скворчала сковорода, и не шумел кофейник. Полин пожалала плечами, наверное, срочно вызвали на работу.

В восемь утра автобус не подъехал на остановку. Да и других ребят нигде не было видно. Может, просто заболели?

Полин снова пожалала плечами и пошла в школу пешком.

Металлические двери оказались заперты. Первая, вторая попытка. Полин еще раз подергала ручку и в отчаянии сдалась.

Неужели отменили уроки? Почему ей никто не сообщил?

Ну и ладно!

На другой стороне улицы, через перекресток, в окнах кафе тети Лоры горел свет. Пойти и выпить шоколадный коктейль! А потом позвонить девчонкам и выговорить, что они за подружки такие! Да, так она и сделает.

Распашные двери скрипнули. Из автомата лилась веселая музыка. Мигали гирлянды над стойкой. Зал был совершенно пуст, а на высоком барном стуле сидела сутулая фигура Грега Петерсона.

– Что происходит? – Полин хотела сказать что-то еще, но заплетался язык.

– Ты присаживайся, – Грег хлопнул ладонью по стулу справа от себя, – я вот коктейль тебе заказал. Шоколадный же, да?

С высокого стеклянного стакана стекали мелкие прозрачные капельки. Полин присела и взялась за прохладную ручку.

– Как тебе музыка? Нравится? Ты расслабься.

Грег снова широко улыбнулся и убрал челку с лица.

– Мы же на свидании.

Полин застыла как миниатюрная статуя.

– На свидании?

– Конечно. Помнишь, ты сказала, что пойдешь со мной, если я буду последним человеком на земле?

Головка с золотистыми локонами кивнула.

На улице светило солнце, и не было ни души.

Буылка

Армия запада уже была на подходе. А вот стены крепости никак не удавалось достроить из-за непрекращающихся проливных дождей – почву постоянно размывало, и конструкция рушилась, погребая под собой рабочих. Армия подступала все ближе, уже слышалось ржание лошадей и крики полководцев, но ворота должны были сдержать их на какое-то время. Массивные. Каменные. Тяжелые. На их возведение ушло...

Бум!

Ворота разлетелись вдребезги.

Дона окатило водой и песком по уши.

Такого стенобитного орудия он совсем не ожидал. Буылка. Обычная буылка из мутного зеленого стекла. Она почти насквозь пробила его сооружение. Замок из песка был испорчен. А вместе с ним и настроение мальчика. Столько часов ушло на все эти башни и комнаты! И все ради чего? Замок из песка раскурочил обычный мусор, обильно прибываемый к берегу после отливов.

От досады у Дона на глазах проступили слезы, но он огляделся по сторонам и быстро утер их ладонью. Он ведь генерал! Генералы никогда не плачут из-за поражений.

Дурацкая буылка! Ну, держись! Пинок ногой, и вот она уже летит, вращаясь в воздухе, и ударяется о толстый ствол раскидистого кипариса. Мизинец немного побаливает, зато замок отомщен.

Буылка разлетелась вдребезги. Стекла блестели на песке, словно драгоценные камни. Но об эти камни могли легко поранить ноги его младшие братья или даже собака. Месть мостью, а убрать за собой все-таки придется. Дон сходил за совком и стал понуро собирать осколки. И вот тут-то он и заметил нечто странное – среди лжеизумрудов притаился небольшой клочок бумаги, небольшой, даже меньше ладони.

Дон прочел пару строк. Ну, как прочел – просто пробежался глазами по странным и незнакомым раньше закорючкам. Что это вообще? Написано от руки. Сам Дон писать еще не умел, да и читать тоже. В его городке в принципе было мало грамотных людей – рыбаки, зачем им книги? Их дело принести улов побольше и продать подороже.

– Где ты это взял? – Мама покачала головой и вернула клочок обратно. – Понятия не имею, о чем здесь. Как-то не по-нашему, вряд ли соседский, может, из какой-то другой страны.

«Из какой-то другой страны». Эти слова стали наживкой и зацепили Дона, словно острый крючок. Другая страна! Раньше он даже и не задумывался, что другие страны в принципе существуют. Мир мальчика ограничивался тремя окрестными деревнями, он даже никогда не бывал в столице – в центральной части острова. Другая страна. Ему просто необходимо было разузнать о ней все. И с этого момента мальчика будто подменили. Он перестал залеживаться допоздна – он вставал с петухами, как и все взрослые, чтобы как можно раньше засесть за свой старый, потертый букварь. Он штудировал его утром, днем и вечером, старательно выводя черточки и завитушки. Он затер до дыр все детские книжки в доме (хотя и было-то их на полке всего три), он выучил все истории наизусть. И вскоре читал и писал лучше любого взрослого в округе.

Родители немного поразмыслили, посоветовались и поссорились, но все-таки открыли лакированную шкатулку и достали оттуда накопленные монеты. Денег было достаточно, чтобы отправить в школу ровно одного ребенка. Конечно, они планировали отправлять туда совсем не Дона – он был слишком неугомонным и годился больше для работы в порту, чем для школьной скамьи. Но что тут скажешь, мальчика ведь и правда словно подменили!

Сделано. Каждое утро Дон запрыгивал на торговую повозку, идущую как раз по пути к школе, и уже через два часа оказывался у одноэтажного белого здания. В местной школе было всего два учителя, нельзя сказать, что самых умных и самых лучших, но какие есть. Зато прямо в школьном дворе располагалась огромная библиотека. Появилась она там совершенно случайно – как дар от какого-то богатого благотворителя, и нельзя сказать, чтоб ей сильно пользовались. Детишки активно брали комиксы и другие тонкие книжки с картинками, но Дон решил сразу взяться за тяжелую артиллерию. После звонка он мчался туда со всех ног и набирал огромную стопку всего, что рассказывало о географии, культуре и языке. Конечно, не понимал он и половины, поэтому с другой стороны лежали словари для всех непонятных слов. Он отмечал, закладывал, выписывал и учил наизусть. Домой он приезжал с последней повозкой, затемно, когда даже родители уже готовились ко сну.

Записка в бутылке. Другая страна. Этот образ занял все воображение мальчика и все его время. Он даже не заметил, как закончился учебный год. А потом следующий. А потом еще один и еще один. Кончались и книги в библиотеке. А страну, откуда пришла записка, Дон так и не отыскал.

Родители и радовались, и беспокоились одновременно, но у них было слишком много работы и слишком много других детей. Остальные не проявляли особого интереса к учебе, тогда, второй раз посоветовавшись, семья решила снова достать лакированную шкатулку. Там было совсем немного, но достаточно на первое время, чтобы отправить мальчика на большую землю – в университет.

Дона провожали всей деревней. Один чемоданчик. Блокнот. Ручка. Больше ничего. Никто раньше не уезжал так далеко от дома, никто не знал, каково это – жить по другую сторону горизонта. Дона поздравляли и прощались с ним как в последний путь – с большой земли не возвращались.

Закорючки с клочка бумаги снились Дону каждую ночь. Они принадлежали языку, на котором не говорили ни в одной из изученных им стран. Сто четыре языка. Тридцать семь диалектов. Все не то. Все мимо.

Отделение лингвистики – куда же еще? Дон сдал экзамены с такой легкостью, с какой люди составляют список покупок. Ведь тесты нужно было сдать как можно быстрее – чтобы снова успеть в библиотеку.

Прошло четыре года, и Дон не мог вспомнить ни имени своего соседа по комнате, ни лиц одногруппников, ни собственного выпускного вечера. Все это было второстепенно, покрыто дымкой. Важно было лишь то, что в мире оставалось еще пятьдесят три страны, о которых он еще ничего не знал.

Раз. Позади осталась магистратура. Кандидатская степень и защита докторской.

Два. Самый молодой лингвист в истории. Сотни статей и десятки книг.

Три. Конференции, командировки.

Четыре. Пять. Шесть...

Бряк! Стакан со звоном разлетелся о кафельную плитку. Дон будто бы очнулся ото сна, моргнул, постоял немного и стал сметать зеленые осколки в совок. Зеленые, почти изумрудные. Как в детстве. Дон снова моргнул и огляделся по сторонам. Его полки ломились от книг, а стены готовы были рухнуть от веса всех грамот, дипломов и наград. Он открыл столько новых племен! Но так и не нашел то, что знало бы язык с клочка бумаги. Неожиданно ему больше не хотелось читать. Совсем. Никогда. Картинка в глазах немного двоилась, и он протянул руку

за очками на ванной полке. Из зеркала на него смотрели серые глаза. Те глаза, которые уже очень давно не видели рыбацкой деревни.

Один чемодан. Блокнот и ручка. Больше ничего. Три перелета. Четыре такси. Паром. И наконец маленькая двухэтажная баржа, пытящая, словно резиновая игрушка с дыркой. Она причалила к знакомому пирсу и выпустила Дона в объятия теплого воздуха и рыбного ветра.

Узкая тропка. Высокий холм. Река. И вот видна хижина. Дон робко открыл скрипучую дверь, а внутри его встретил Бог. От неожиданности у него пропал дар речи. Ноги подкосились, тело обмякло, он сумел лишь подставить свой маленький чемоданчик и неуклюже на него приземлиться.

– Ты вовремя. Давно тебя жду, хоть и знал, что раньше сегодняшнего дня ты не появишься.

– Я даже посылал тебе записку в бутылке, помнишь?

Дрожащими руками Дон вынул из нагрудного кармана маленький пожелтевший клочок. Так это...

– Это от меня – приглашение.

Язык Дона отлип от неба.

– Но там ведь... Я не смог прочитать... Не смог найти...

– А что искать? Там же так и написано: «Буду ждать тебя. Приходи обязательно. Люблю. Бог». Ты просто переверни бумажку – ты держишь ее неправильно.

Дрожащими пальцами Дон перевернул клочок. Теперь на него смотрели знакомые буквы. Как в той азбуке с родительской полки, красной азбуке, затертой до дыр.

– «Буду ждать тебя... Приходи...» – перед глазами пронеслись все его бессонные ночи над энциклопедиями и бесчисленное множество экспедиций.

– Я всегда говорю с людьми на их языке. Иначе просто нет смысла. Садись ближе, нам о многом нужно поговорить.

Дон подался вперед, и ему стало так легко на душе, словно всех этих лет и не бывало вовсе. Словно бы ему снова пять. Словно бы он и не метался по миру в погоне за ветром. Пожелтевший клочок был ему больше не нужен. Напротив него был Тот, Кто непревзойденно больше всех знаний мира. И Он почему-то захотел поговорить с ним, Доном, лично.

– Устроился? Теперь слушай...

Убить Амброзию Роджерс

Убить Амброзию Роджерс.

Аккуратно написала Амброзия. Может, кто-то другой и выводил на страницах своего дневника имена мальчиков из баскетбольной команды и украшал их завитушками, но только не она.

Убить Амброзию Роджерс. Убить Амброзию Роджерс.

Эти слова повторялись снова и снова, и шли бок о бок, как ряды марширующих солдат.

И это ведь был далеко не первый дневник Амброзии. Парочку старых она уже исписала от корки до корки.

Что же такого сделала Амброзия Роджерс?

С чего бы начать? Она была высокой. Очень высокой. Высокой и худой. И еще с ровными зубами. И кожа у нее была чистой, что ничего не нужно отбеливать или замазывать. И, да, вдобавок ко всему ее тоже звали Амброзия. Технически они, конечно, никогда не встречались, но с самого первого дня, как Амброзия увидела Амброзию по телевизору в одном из вечерних ток-шоу, она возненавидела ее самой лютой ненавистью.

Амброзия. Амброзия не знала больше никого с таким именем. За исключением, разумеется, Амброзии Роджерс. Как любила повторять ее мама: «Это почти самое редкое имя на земле. Так никого не звали уже почти двести лет!» И на то, видимо, были вполне очевидные причины.

Но от своего редкого имени Амброзия, в принципе, никак не страдала. До недавнего времени. В городе ее знали все. Знали не как победительницу олимпиады по математике, не как призера чемпионата по шахматам или медалистку школьного марафона. Ее знали исключительно как Амброзию. Когда все родственники собирались вместе за праздничным столом, вспоминая о событиях ушедшего года, бабушка всегда расхваливала своих внуков: «Анна молодец, так красиво поет! Марк, неужели ты сам собрал этот конструктор? Амброзия – какое у тебя красивое имя!» Имя. Это единственное, о чем ее семья могла говорить. Имя. Самое красивое. Самое редкое. Ни у кого больше такого нет!

Двенадцатое октября. Среда. 19:48. Все шло как обычно. Студия любимого ток-шоу Амброзии уже была украшена к Хэллоуину. На ведущем красовался ярко-оранжевый галстук с тыквами. Он шутил, а люди радостно смеялись в ответ. И вдруг он произнес: «Сегодня наша гостья – актриса, сыгравшая главную роль в новом блокбастере, уже признанном киноакадемией лучшим детективом последних лет. Встречайте, Амброзия Роджерс!»

Амброзия поперхнулась газировкой и еще долго не могла откашляться. Она кашляла так громко, что мама прибежала с кухни и даже хотела звонить в скорую помощь. Но скорая помощь не понадобилась, зато позже Амброзия стала мечтать, чтобы ее вызвали кое-кому другому.

До провинции новинки кино доходили не сразу, но вот с опозданием в несколько месяцев блокбастер с Амброзией Роджерс в главной роли доковылял и до местных экранов. У входа в кинотеатр наклеили огромную афишу, на ней в длинном платье из красных блесток красовалась главная героиня, а ее имя было напечатано ниже жирным шрифтом.

Билеты на премьеру разлетелись за считанные минуты. Восторг. Аплодисменты. Все прекрасно знали, что будут обсуждать ближайший месяц. Витиеватый сюжет, оригинальные декорации, неожиданный финал и, разумеется, главная героиня – неподражаемая, ошеломительная, сногшибательная, шикарная, умопомрачительная, бесподобная. Журналисты из всех сил старались перещеголять друг друга синонимами, а рецензии лились рекой. Газеты. Жур-

налы. Радио. Первый, второй, третий, в общем-то, каждый канал мог говорить только об одном имени. Амброзия. Амброзия. Амброзия.

Амброзия, настоящая Амброзия, фильм смотреть не пошла, специально, чем несказанно удивила родных. Они удивились, но переживали недолго, потому что сами боялись опоздать на сеанс. Тогда-то Амброзия и завела свой первый дневник.

У нее не было четкого плана, и не то чтобы она знала очень много методов (даже препарирование лягушки на уроке биологии далось ей с трудом), но мечта есть мечта, никуда не денешься. Даже, нет, не мечта – цель! К такому выводу пришла Амброзия, убирая в ящик исписанную тетрадь. Цель. А цель предполагает четкий план, стратегию. Все кругом, конечно, твердили о силе позитивного мышления, что, мол, любая мысль материальна, но Амброзия сильно сомневалась, что ее мысль сама собой доберется до столицы и материализуется там без какого-либо постороннего вмешательства. Четкий, методичный план.

Шумиха от фильма постепенно улеглась. Плакат сняли (и даже устроили драку, кому он достанется и в чьей гостиной в итоге будет висеть). На его место клеили другой – с гоночными машинами, мальчишки повалили на него гурьбой, не блокбастер, не поспоришь, но хоть что-то.

В целом Амброзия была почти готова отказаться от плана и даже раздумывала, покупать ли под него новый ежедневник, когда вдруг услышала голос одноклассницы у себе за спиной.

– Ничего себе! А я и не знала, что ты такая фанатка!

– Чего?

– Она нам всем нравится, но чтобы так фанатеть! Смотрите, она теперь свои тетради ее именем подписывает!

Алекса схватила одну с края парты и стала размахивать над головой. Вокруг собралась небольшая толпа зевак.

– Фанатка! Фанатка!

– Никакая я не фанатка. Я даже фильм не видела.

– Фанатка! Быть не может, чтобы не видела. Еще как видела и, наверное, плакат себе отжала. Фанатка!

По толпе покотился смешок.

– Никакая я не фанатка. Это мое имя. Амброзия. Мы десять лет вместе учимся. Меня всегда звали Амброзия.

Алекса застыла, а вместе с ней и выражение крайнего недоверия в глазах.

– Нет, у тебя имя всегда по-другому писалось. Через «о», и там еще «с», «н»...

– Амброзия. Оно всегда так писалось. Это мое имя. Через «а» и без всяких «н».

Одноклассники переглянулись.

– Но волосы в рыжий ты специально только после фильма покрасила! Фанатка!

– Я всегда была рыжей, с веснушками.

Но слушать Амброзию уже никто не собирался. Ребята радостно гоготали, а «фанатка» летало по школьным коридорам весь день напролет и прочно там закрепилось.

Вопрос о покупке нового ежедневника больше не был вопросом. Красивый, в твердой обложке и с плотной нелинованной бумагой. Качественный план требовал качественной подготовки. Первый и самый важный пункт Амброзии подсказала бабушка, не специально, но очень метко. По традиции, как и каждый год, она приехала на Рождество. С подарками и поздравлениями для внуков.

Анна, какой же у тебя редкий голос. Слух всегда нужно развивать.

В руки младшей сестры легла квадратная коробочка с новым беспроводным микрофоном.

Марк, ты точно станешь инженером!

И вот он уже открывает новый набор конструктора с огромным средневековым замком на упаковке.

Амброзия... Вы видели это кино? Это же шедевр! Талант, просто талант. Когда он есть, ничем его не скроешь. Все признали – самородок, редкий гений. Нигде не училась, представляете? Но ты, дорогая, учись...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.